

АЙВЕНГО СИРАЗЕТДИНОВ

“ПРОЗА НЕОБИТАЕМОГО ОСТРОВА”

(Некоторые заметки по прочтении романа Андрея Убогого “Рукопись”). Журнал “Наш современник”. № 1, 2014.

Хорошая проза. Романная. Впрочем, в жанр читательского отзыва мне не уложиться. Роман достоин обстоятельного разговора. Да я и не просто читатель, а коллега, собрат по перу из далёкой захребетной провинции (Южный Урал).

Бывает также: читай – не читай, а всё не покидает ощущение, будто едешь наезженной колеёй по равнинной местности – глазу не за что зацепиться. И вдруг...

Роман “Рукопись” – “не равнинный”, он возвышенного рельефа, где место беспокойному, мятежному духу.

Но он, роман этот, может озадачить иного литературоведа, если тот начнёт анализировать его по привычным схемам.

У англичан не принято называть все сочинения литературой вообще. У них всё по полочкам: “travel”, “adventure”, “fiction”. А вот в “Рукописи” – всё вместе, едино: здесь и путешествие, и приключения, и художественный вымысел в наличии.

Можно бы оставить в скобках моё профессиональное любопытство. Но и оно уместно. Откуда взялось такое доскональное знание материала? Тут тебе и знание биологии, и географических особенностей Северного моря, где чуть не утонул герой.

И сюжет – романно нагруженный. Для удобства ориентирования по страницам романа я разбил его для себя на главы. Ого! Получилось 32 главы с короткими названиями. Например, “Инга”, “Час быка”, “Лабиринт”, “Зона спасения”, “Таинственная сила”, “Миражи”, “Крест”, “Молитва”...

Но главное в сюжете – не событийная последовательность, а прямо-таки Сизифова работа по переустройству внутреннего мира, душевной субстанции героя. Меня самого давно занимал вопрос: в чём суть творческого метода “поток сознания” или, как его на Западе называют, “the stream of consciousness”? И с чем его едят?

Полагаю, роман “Рукопись” сделан в классическом согласии с вышеназванным методом, в образцовом следовании ему.

Душа героя сперва в растерянности. Она озирается на первых порах, напугана... Но наш романский герой – натура сильная: “не на того нарвались”. Он понимает, что ему не выжить без душевной борьбы по сохранению, собиранию себя, личности своей.

Поток сознания... А на перекатах, заводах, водоворотах – периодическая концентрация мысли. Какие мысли посещают героя с подачи автора? О жизни и смерти; о сути категории времени; о единстве причины человека и причины природы; о власти слова; о смысле человеческого бытия; о том, что Вселенная всматривается в себя умными глазами своего порождения – человека, и ещё о многом другом.

Ну, ладно, герой романа Олег Лыков – молодой учёный, у него рефлексия в крови, ему было о чём поразмышлять, оказавшись на необитаемом острове. А если забросить туда просто мужичка? Конечно, он, практичный, и себя прокормил бы, и трёх генералов – салтыково-щедринских. Но произошло бы в нём сложное духовное движение?

Герой философствует. Но не только на кандидатском уровне периода знакомства с Шопенгауэром. Суровые будни необитаемого острова с каждодневной борьбой за выживание кого хочешь рекрутируют в ряды адептов философии экзистенциализма. С уклоном ближе к Мартину Хайдеггеру, который учил, что истина познаётся на грани бытия. На той грани, на которой балансировал Олег Лыков. С неё не соскочишь ни в какую сторону.

Теперь о собирании личности. Ну да, растерялся сперва герой: “Кто, что я теперь такое?” И право, один, без друзей, без любимой работы на кафедре, без удобных привычек. О, эти хрупкие связи между нейронами мозга!

На помощь приходит дневник, записи в тетрадях, найденных, к счастью, на брошенной военной базе.

Ему бы радоваться: это же твой единственный собеседник, хоть и бумажно-карандашный. А он с мрачной иронией: “Всё, что пишут люди, по сути, есть их предсмертные записи. Умираем-то мы, в конце концов, все, и не имеет большого значения то, сколько времени отделяет твой текст от твоей кончины”.

Олег Лыков вверяет дневнику свои воспоминания, которые являются ему, большей частью, в спасительных снах, дававших герою недоступную в реальности степень свободы. Кроме того, сказано кем-то: “Чтобы узнать человека, надо разгадать его сны”.

О чём его воспоминания? К чему возвращает героя память? Чаще всего, к картинам детства, в которых присутствуют мать: “Детство – это спасение”; дедов сарай: “...детство, которое я вспоминаю так часто и так благодарно, кажется совершенно бездонным кладезем воспоминаний”. А как же иначе? Ведь там точка отсчёта, начало начал всех жизненных дорог.

Память героя актуализирована, она работает, способна концентрироваться на чём-то очень важном. Она концентрирует из прошлого новую реальность. Она “воскрешает всё самое важное и дорогое, да ещё и расцветчивает бывшее столь неожиданно яркими, свежими красками, каких в реальности, может быть, вовсе и не было”.

Память не только воссоздаёт личность героя, оробевшего сперва перед враждебной стихией, перед перспективой одичания в островной заброшенности. Но она и помогает ему в той духовной работе, итогом которой становится не только обновление, но и качественное перевоплощение личности. Но, конечно, каким-то другим, незнакомым самому себе Олег Лыков не стал. Он остаётся самим собой, но с более глубоким пониманием себя. Это он уразумел, когда оказался, в центре найденного им древнего лабиринта саамов: “...лабиринт не содержит никакой иной тайны и цели. Так вот оно что, – начинал я догадываться. – Значит, всё дело в том, что мы движемся сами к себе...” И вся наша жизнь представилась мне большим лабиринтом, в котором каждый бредёт, чтобы достичь некоей цели, но в итоге находит лишь только самого себя, с тем же грузом сомнений, надежд и вопросов, с каким он когда-то отправлялся в путь. “Да, от себя не уйдёшь, – думал я. – Живи хоть в толпе, хоть на необитаемом острове – всё равно будешь сам для себя и единственной целью, и главной загадкой...”

Вот так... А теперь о высшей точке, к которой пришёл ассистент Олег Лыков... Начнём с вопроса: чем спасался Робинзон Крузо, подопечный Даниэля Дефо? Он выдалбливал лодку, чтобы выбраться с острова к берегам обетованным. Старательно вытюкивал, много лет, но подтащить к берегу готовую лодку у него не хватило сил. Напрасный труд. Вот она, тщета земная!

А вот нашему герою судьба уготовила иной путь спасения. На него снизошло наитие: установить крест на высшей точке острова. Сперва подразумевалась сугубо практическая цель: а вдруг его заметят с проходящего мимо судна, примут за сигнал SOS.

Корабли не проплывали, а крест тем временем стал обретать иное, более высокое значение. Он способен облагораживать окрестности, которым прежде “не хватало торжественной мысли креста”.

Крест являлся для героя “центром пространства, его точкой опоры”. Он и ориентир, и точка отсчёта времени.

Для нашего героя, одинокого островитянина, крест стал “символом и представителем высших, таинственных сил, ещё недоступных... разумению”.

А когда же пришло оно, постижение “высших сил”? Неужто для этого необходимо забросить индивида на необитаемый остров? На тебе, вот логика!.. Не хватит островов безлюдных на всех. Скажут, в пустыни уходили. Но теперь там, на караванных тропах, чадят косяки лендроверов и квадроциклов. Какие уж там акриды... .

В случае с Олегом Лыковым что-то иное. О том сказано им: “То, что я пережил здесь, на острове, за короткое и вместе с тем бесконечно-огромное лето, было моим путешествием внутрь самого себя и одновременно было выходом за пределы себя самого”.

Выход к бесконечно-сущему... . Выход к бесконечно сущему... . Ну, не сразу же благодать сошла на героя. Была большая предварительная работа души. Да, он достиг той точки, которая стала обновлением героя, а вернее будет сказать, преображением. Когда он пришёл к знанию-незнанию высшего порядка – к вере. И когда он мог сказать себе: “Я знал одно: Бог существует”.

Повторюсь, не сразу это случилось. Было у Олега Лыкова, вдали от суетного мира, время кое в чём разобраться на острове, о пребывании на котором он заметил: “Вообще только здесь я и начал жить по-настоящему, то есть внимательно, пристально и глубоко”.

Что случилось, то случилось. И тут, надо отдать должное автору, он может убедить читателя, что в некоторых обстоятельствах даже молодой учёный, естествоиспытатель, который по долгу службы должен следовать материалистическому учению о естественном отборе сэра Чарльза Дарвина, может поверить в преимущество перед наукой Божьего промысла.

Ну ладно, о “высшей силе” сказано. А теперь – о “таинственной силе”, о сути которой размышлял герой романа. Грустные мысли навестили его при виде руин покинутой военной базы. Что там база – вся страна лежала обломками в 90-е годы, с полями, заросшими бурьяном, будто после бомбёжек по необъятным площадям. У героя – благородная ностальгия по Великой Стране, которую мы потеряли. И справедливо он задаётся вопросом: как могло такое случиться? По причине какой “таинственной силы”?

Может, по воле какого-то слепого рока? Но исторический рок не так уж слеп. А с историей нашей ещё предстоит разобраться. И не одному герою романа “Рукопись”... .

А теперь несколько слов о так называемом “мистическом реализме”, элемент которого я обнаружил в романе.

Конкретно – в главе “Инга”. И магазин, возле которого Олег встретил зеленоглазую валькирию, почему-то имел на вывеске фатальное название “Остров”, и смех Инги напоминал крик чайки. Тут, к цыганке не ходи, будешь ты, Лыков, выброшен на берег необитаемого острова и будут терзать твой слух денно и ночью крики настырных чаек.

Есть в воспоминаниях Олега и другие женщины. Являются они к нему, как в романе Ирвина Стоуна “Молодые львы”, не в единственном числе, и все разные. Вот Любаша – “Гольфстрим”, вот Галина – божество кухонного изобилия и прочих приятных удобств, в которых герой не знал отказа. А вот неистовая Долорес, заключившая в себе опасную “стихию, способную испепелить”.

Разные они, но ко всем отношении героя джентльменское, он вспоминает о них, даже о мимолётных “хлебных бабах”, тепло, с благодарностью, без тени снисходительной усмешки.

Ещё один момент... . Мне кажется, автор намеренно не указал, удалось ли герою спастись с необитаемого острова? Или он сгинул в суровых, бесконечно долгих полярных зимах. Видать, многоточие с большим смыслом. Главное – состоялось спасение души, а остальное, вкупе с физическим спасением, одному Богу известно.

В прозе о необитаемом острове обязательно должен присутствовать элемент приключенческого жанра. Разве не приключение, когда носило Олега Лыкова в утлой лодочке по беспокойному морю, как сказочного пушкинского

героя в просмоленной бочке? Оказавшись по воле рокового случая во власти стихии, Олег боролся целых двое суток за жизнь, пока не прибило его к берегу. Стихия героя приключений – борьба. Он и пресную воду добыл, и чайку изловил для своего пропитания.

А с Северным морем шутки плохи. Когда я служил в морской авиации, нам регулярно доводили информацию про ЧП на всех флотах. В назидание. Запомнился один случай. Над Белым морем потерпел катастрофу самолёт Ил-28 Северного флота. Прекрасный летательный аппарат. Я отлетал на нём три года – на первой своей реактивной машине. Экипажу удалось катапультироваться. А в комплекте парашюта предусмотрена маленькая резиновая лодочка: она автоматически надувается при приводнении. Вот в такой лодочке и обнаружили штурмана экипажа, неживого. Он застрелился, не дождавшись помощи. Говорили, чтобы избавиться от смертных мук переохлаждения. Якобы.

Так что, в свете сказанного, морское приключение Олега Лыкова связано с проявлением большого мужества.

И на острове у него было немало острых ситуаций, из которых он выходил, как между Сциллой и Харибдой. Не теряя присутствия духа. Не страшны были ему никакие испытания, наподобие “часа быка”.

Вот это и делает чтение романа увлекательным. Роман захватывает читателя, держит в напряжении.

На протяжении всего романа героя сопровождают изменчивые картины изменчивой природы. Не той, которой любят в загородной прогулке. Здесь другое: и храм, и мастерская, если перефразировать Тургенева, великого мастера словесного живописания природы.

Здесь, в затерянном уголке таинственной Гипербореи – другая реальность. Олегу Лыкову эта природа видится, как в первые дни мироздания: пенное море стеной, причудливые облака в небесах, тундра в кратком летнем цветении, скалы.

А ещё масса всякой живности, всякой твари, которой Лыков – биолог, – конечно, знал имена, а если бы не знал, придумал бы новые, подобно Карлу Линнею.

Со временем Олег Лыков становится органичной частью этой реальности, а природа делается вторым действующим лицом романа. Явственней всего это проявляется после очистительного катарсиса, пережитого героем в ходе излечения от тяжёлого заболевания. Он и зайца, изловленного для своего пропитания, выпускает на волю из петли, и уже не смеет тронуть ни одну былинку, подобно Великому чудаку из африканского Ламбарене – доктору Альберту Швейцеру.

Определённо, природа удалась автору. Она описана в “Рукописи” в лучших традициях русской изящной словесности.

Ценна, прежде всего, оригинальная идея романа, которая воплощена вдумчиво, аналитически. И, конечно, сугубо индивидуальна манера письма, характерная для “штучной” работы настоящего мастера.

Насчёт техники, набора литературных приёмов не берусь судить. Это занятие более подкованных братьев-литературоведов.

Главное, что хотел я сказать в заключение. Позволю себе такое оптимистическое суждение: роман Андрея Убогого “Рукопись” достоин быть назван одной из лучших публикаций “Нашего современника”. Замечательного журнала – крепости писателей России.